
“АННА КАРЕНИНА” Л.Н. ТОЛСТОГО И “ГОСПОЖА БОВАРИ” Г. ФЛОБЕРА

© 2016 г. С. А. Шульц

Доктор филологических наук

e-mail: s_shulz@mail.ru; shulcz-70@mail.ru

L. TOLSTOY’S “ANNA KARENINA” AND FLAUBERT’S “MADAME BOVARY”

© 2016 Sergei A. Shultz

Doctor of Philological Sciences

e-mail: _shulz@mail.ru; shulcz-70@mail.ru

В статье в аспекте исторической поэтики сопоставляются романы “Анна Каренина” Л.Н. Толстого и “Госпожа Бовари” Г. Флобера. Проанализировано отношение двух авторов к реалистической идее некоей экзистенциально-моральной “нормы общечеловеческого”, роль “истинного” и “ложного” романтизма для героинь романов. Рассмотрена связь двух авторов с предмодернизмом.

From the perspective of historical poetics, the article compares two novels: *Anna Karenina* by L.N. Tolstoy with *Madam Bovary* by G. Flaubert. There analyzed the attitude of both authors towards certain realistic concept of existential-and-moral “all-human norm”, towards the role of “true” and “false” Romanticism as viewed by the heroines of the novels. The two authors’ relation to Pre-Modernism is considered.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, Г. Флобер, “истинный” и “ложный” романтизм, предмодернизм.

Key words: L.N. Tolstoy, G. Flaubert, “true” and “false” Romanticism, Pre-Modernism.

Памяти Галины Яковлевны Галаган

Среди претекстов романа “Анна Каренина” называли произведения А.С. Пушкина, А. Дюма-сына, мадам Де Лафайет [1, с. 93–99] и др. Ниже будет рассмотрен вопрос о своеобразной преемственности, прежде всего в аспекте исторической поэтики, между вторым романом Толстого и “Госпожой Бовари” Г. Флобера.

Флобер задумывал свое произведение в качестве “истории женщины, нарушившей супружескую верность” [2, с. 140]. Толстого занимала, как известно, “мысль семейная”. Последнее обстоятельство заметно меняет освещение во многом сходного у обоих авторов сюжета, в контексте которого все основные события развиваются уже после брака.

В случае романа Флобера дело идет об отношениях между полами в “биологической” и экзистенциальной плоскости. В толстовском же случае, сохраняя неизменный двойственно-парадоксальный, подобно флоберовскому, интерес к

“биологизму” человеческой жизни и вместе с тем ее экзистенциальному измерению, автор с особой интенсивностью включается в широкое этико-религиозное поле осмысления семейного существования. Подобное поле в “Госпоже Бовари” осязательно редуцировано.

Проблема семьи шире проблемы адюльтера. Во всяком случае, семейная проблематика позволяет структурировать экзистенциальные векторы в том числе в плоскости некоей социальной “системы” внутри других социальных “систем” или наравне с ними. Неизменным атрибутом общественной системы выступают идеи долженствования и императива, что на одном из полюсов авторской позиции, связанной с “анархизмом”, чуждо Толстому.

Если Флобер “отстранен” [3] от своих персонажей, старается остаться на позициях принципиальной сокровытности авторской позиции, то Толстой так или иначе заявляет о своем авторском

присутствии уже начиная с эсхатологического эпиграфа к роману, смысл которого точнее всего можно раскрыть как: “Только Бог может осуждать и судить”.

Вместе с тем художественно-философский смысл “Анны Карениной” не только превышает непосредственно заложенные авторские интенции, но вступает с ними в конфликт и вместе с тем диалог/полилог [4]. Художественный смысл “Анны Карениной” существует в достаточно независимом от авторского начала, свободном, внутри себя покоящемся многосложном мире.

С эпиграфом в роман Толстого изначально входит религиозно-моральное измерение в качестве основного. Но это не значит, что Толстой сразу и навсегда вводит в уже известное, в частности, в патриархально-незыблемое. Писатель обращается к нему, но он и спорит с ним, пытается дать свои ответы на заданные “изначальностью” вопросы. С учетом поздних произведений Толстого (“Крейцера соната”, “Дьявол”, “Дорого стоит” и др.) можно сказать, что в “Анне Карениной” Толстой подвергает принципиальной “деструкции” и “деконструкции” многие существующие на момент написания романа интерпретации проблем брака, отношений между полами, социальной жизни и места в ней индивида, а также привычное религиозное освещение данных проблем.

Несмотря на выделенную в качестве будто бы единственного позитива повествовательную линию Левина, потенциальные ответы на вопросы традиции в толстовском романе звучат в совершенно разных и почти всегда противоположных регистрах: даже вплоть до отрицания всякого “биологизма”, отрицания брака вообще, отрицания различных социальных институтов, включая пресловутое общественное мнение – вплоть до скрытых апелляций к первобытности и даже допервобытности, когда история только начиналась, еще ничего не было предreshено и все было возможно.

Линия Левина, предлагающая некий социально-религиозный образец “правильности”, не перечеркивает и не заглушает повествовательную линию Анны. Поставленные в плане линии Анны вопросы во многом именно асоциальны и, соответственно с контекстом XIX в., разрушают привычные стереотипы религиозности.

Вслед за Руссо Толстой видел в допервобытности и самой первобытности некую идиллию, но это несколько не отнимало его художественно-философского внимания от проблем современности – “модерной” современности в специфическом значении “проекта Просвещения” (Ю. Хабермас)

и значении более широком, включающем в себя, наряду с другими, также элементы духа романтизма – “истинного и ложного романтизма”, согласно разграничению Флобера.

“Свет”, “общественное мнение”, “люди” становятся в “Анне Карениной” совершенно особой, по точному выражению М. Холквиста, “сверхъестественной силой” [5, с. 176–190], губящей Анну. Согласно точным наблюдениям Бахтина, и сама Анна несет рок в себе самой, она уже в начале предчувствует недобрую развязку [6, с. 249]. В этом сходство с историей Эммы, также начинающейся с плохих предзнаменований, смысл которых Эмма, впрочем, отказывается понимать или пытается перебороть.

Для Эммы “свет” тоже выступает как сверхъестественная сила, но которой, однако, должно подражать и войти в сферу которой необходимо стремиться. В связи с романом Флобера Бахтин повторил устоявшийся термин “боваризм”, расшифровав его как “иллюзию о себе самом” [7, с. 133]. Эмма не вполне отдает себе отчет в том, кто она есть и к чему на самом деле она стремится. “Иллюзия о себе самой” закономерно сочетается у Эммы с ее иллюзией о мире.

Страсти Эммы построены на “миметическом желании” (Р. Жирар), когда индивид лишь подражает другому, кажущемуся образцом [8]. Страсти Анны в этом отношении “антимиметичны” по отношению к расхожему желанию, поскольку она старается идти от себя самой, вступая в экзистенциально-психологистскую распря со светом. Ситуация Анны – частная, при всей обращенности ее рассказанной истории к универсальным вопросам; сама же ситуация Анны, в том виде, как эта ситуация представлена Толстым, имеет адресатом частного индивида.

Хотя отношение героинь к “свету” разное, в конечном счете “провинциальные нравы” “Мадам Бовари” уравниваются со “светскими” “Анны Карениной”, приводя к гибели героинь.

Согласно точному наблюдению А.В. Михайлова, “<...> для складывающегося в середине XIX в. реалистического видения действительности характерна внутренняя убежденность в существовании некоторой нормы человеческого, общечеловеческого” и “свой психологический склад (с интересами, предпочтениями, способами восприятия, даже нормами оценки и т.д.) человек этого времени отождествлял с такой “нормой” [9, с. 135].

Остро чувствуя описанную А.В. Михайловым ситуацию, Толстой начинает свой текст с идеи по-

добной “нормы” (“Все счастливые семьи похожи друг на друга”), переходя вдруг к значимой констатации наличия антинормы (“каждая несчастливая семья несчастлива по-своему” [10, с. 3]). Толстой и Флобер воспринимают эту “антинорму” не как уклонение от должного, а как глубоко личную позицию индивида в мире.

Толстой разворачивает ситуацию “антинормы” в виде описания реакции света и ответной реакции героини на нее, но автор же затем подвергает эту “норму” сомнению.

История Эммы – история попыток следовать психологистской “норме” светскости, как ее понимает Эмма. Словосочетание “провинциальные” нравы утверждает такую норму и вместе с тем сознательно демонстрирует всю ее зыбкость. Флобер и Толстой выходят за рамки реалистического “психологизма” к психологизму предмодернистскому, с его интересом к частностям и деталям индивидуально-отъединенного сознания.

По замечанию М.М. Бахтина, во втором толстовском романе “в изображении характеров на первый план выступает философичность. Каждое действующее лицо – определенная установка к проблеме мира добра и зла и т.д.” [6, с. 249].

Философичность “Анны Карениной” также и в сюжете, по-шекспировски включающем моменты парности в качестве выражения полноты бытия: отсюда линия “положительного” Левина в параллель к Анне, отсюда линия ловеласа Стивы в параллель к ней же и т.д. Философичность проявляется в образной системе романа в целом – а она не вся антропоцентрическая или даже антропоморфная; ср. в этой связи образы Фру-Фру, символы свечи или “железа” [11].

Наконец, самый пафос романа, соотношенный с бездонной художественной идеей произведения, являющейся проводником пафоса и выводящей в широкие универсальные контексты различных форм бытия духа, форм религии, мифологии, этики, культуры, социальной иерархии и т.д., глубоко философичен.

“Анна Каренина” абсолютно не имеет никакой общей точки схождения выраженных в романе через героев и их отношения, через авторское присутствие противонаправленных точек зрения на связи людей в обществе, кроме одной: существует только частное, только единичное, только отдельный индивид [12, с. 19–25]; выражаясь позднейшим языком – только единичная экзистенция.

Данные и заданные в романе самые различные, противоположные точки зрения, вопреки мнению Бахтина, все же образуют нечто вроде специфич-

ческой “полифонии”, но, безусловно, в различии с полифонией Достоевского. Толстовская “полифония” не имеет аналогом “соборное” сознание, она вся на мельчайших диссонансах: в хоре голосов Толстой утверждает не самый хор, а только отдельные голоса.

Наличием этого отдельного голоса Анна полностью оправдана раз и навсегда. Оправдана и в своей жизни, и в своей смерти как единственно возможной в ее случае самореализации, способе быть. Специально подчеркнем толстовский онтологизм так понятой самореализации в смерти: это не субъективистский солипсизм утверждения своего “я”, а бытийное воление себя, воля не раствориться в онтическом (сущем), это трансформация “самостоянья человека” (Пушкин).

То, что видом подобного самостоянья выступает самоубийство, – только частный случай, единственно “законный”, подобно всем остальным частным случаям. Если в гибели Анны акцентировать не самоубийство, а смерть вообще, то данная ситуация окажется общей для (позднего) Толстого ситуацией “ухода” и вместе с тем универсальной для каждого толстовского героя ситуацией “бытия-к-смерти”.

Флобер различал “истинный” и “ложный” романтизм [13]. Ложный связан с простой подражательностью тому, что кажется идеальным, со штампами, с отсутствием сути при наличии амбиций. “Истинный” романтизм для писателя был соотнесен с “духовным стоицизмом, жизнью в художественно преображенном мире, абсолютно противопоставленном тривиальной действительности” [14, с. 97]. В целом, однако, можно разделить не совсем привычное мнение В. Бибикова о том, что “по духу Флобер был чистокровным романтиком” [15, с. 79]. Эмма сочетает в себе черты ложного и отчасти истинного романтизма.

В том состоянии, в котором мы застаем Эмму, она чувствует смутное недовольство своей жизнью, миром вообще, она пытается строить некие воздушные замки: “Что же, значит, это прозябанье будет длиться вечно?”

Значит, оно безысходно? А чем она хуже всех этих счастливиц? В Вобьесаре она нагляделась на герцогинь – фигуры у многих были грузнее, манеры вульгарнее, чем у нее, и ее возмущала несправедливость провидения; она прижималась головой к стене и плакала; она тосковала по шумной жизни, по ночным маскарадам, по предосудительным наслаждениям, по тому еще не испытанному ею иступлению, в которое они, наверное, приводят” [16, с. 114].

Сам по себе факт духовного беспокойства свидетельствует о наличии души по-своему ищущей, по-своему не мирящейся с наличным. Но достаточно искренне обоснованные искания приобретают у Эммы формы шаблонного подражания.

Перепутывающиеся в сознании Эммы и высокие, и низменные мечты оказываются в целом безразличны для кошмарного мира, окружающего ее. Именно так понят образ Эммы в снятом по мотивам флорберовского романа кинофильме А. Сокурова “Спаси и сохрани”. В финале фильма над умирающей Эммой, отринутый всеми, – звездное небо, единственно могущее оправдать ее и задать ей должный масштаб.

Жизнь Эммы, как и Анны, заканчивается самоубийством, что на известном уровне возвышает их образы, показывая несовпадение их сущности с миром обыденности, с ее гнетом как чем-то поистине сверхъестественным, с пресловутым “общественным мнением”, с излишней “буквальностью” внешнего мира. “Железная судьба” [11, с. 32] Анны, ее “романтические” порывы, и ложные, и истинные, разрешаются под колесами поезда, что выступает резким антипоэтическим и антиромантическим символом. Последний находит себе соответствие в строках романтической элегии Баратынского “Последний поэт” (“Век шествует путем своим железным”) [17, с. 173], а в XX в. будет продолжен в стихотворении Блока “На железной дороге”.

У Толстого, как и Флобера, переплетаются в жанровом содержании – на уровне образов героинь и их любовников – “романтическое” и “антиромантическое”. Жанровая же форма двух рассматриваемых романов близка предмодернизму в силу особого акцента на изображении сознания, внутренних монологов (прежде всего сознания героинь), в силу отсутствия “копиизма” в отношении к реальности, в акценте пересоздания “буквальных” трактовок мира. В.В. Набоков прямо связывал предсмертный монолог Анны с модернистским “потоком сознания” [18].

О выборе Анны М.М. Бахтин пишет: “Анна увлеклась Вронским с первой встречи. Главной причиной ее увлечения было впечатление, произведенное ею на него: она увидела в его взгляде собачью преданность, увидела, что он побежден, и это привлекло к нему” [6, с. 249]. Такое толкование отношения Анны к Вронскому находит соответствие в наблюдениях А.Г. Гродецкой о роли для внутренней структуры образа Анны житейских блудниц [19]. Подобные интерпретации начальных эпизодов истории Анны и Вронского вскрывают в образе Анны элементы “ложного” романтизма.

Вместе с тем является полноценным фактом, что Анна первоначально противится связи с Вронским, укоряя его в том, что из-за нее он отказал Бетси. По наблюдению О.В. Сливицкой, в начале романа страсть Анне ничуть не грозит: «Кажется, что <...> страсть на Анну неожиданно “свалилась”» [20, с. 324].

Анна, словно против своей воли, вступает на роковую колею, выйти за пределы которой она уже субъективно не в состоянии. Речь идет именно о некоем роке, больше внутреннем, чем внешнем.

Бахтин указывал, что Анну “нужно рассматривать не как характер (кто она), а как положение (что с ней и что она сделала)”; “<...> положение, завладевая душой (Анны. – С.Ш.), не обогащает ее, а предопределяет, становится для души роком” [6, с. 249, 250]. Однако подобная позиция не закрывает возможности видеть в структуре образа ракурс романтической героини в неромантическом мире (и неромантическом в целом произведении).

Никак нельзя согласиться с Р. Густафсоном, рассматривающим именно “характер” (а не “положение”) Анны, в том плане, что “несчастье” в жизни самой Анны произойдет из-за ее снисходительности к собственным слабостям и стремления жить, не обращая внимания на “других”, и что “именно лживость – ее роковой порок” [21, с. 129, 130]. Подобная позиция возможна только исходя из постулирования реалистической “общечеловеческой нормы” (А.В. Михайлов), чуждой предмодернизму Толстого.

“Истинный” романтизм Анны – в ее попытках слушать свой внутренний голос как выражение ее индивидуальности, отдельности от других, попытках разорвать зависимость от мужа-бюрократа, оставившегося бюрократом и в частной жизни, но затем открывающего в себе способность меняться. В финале Алексей Александрович получает возможность проявить свою почти полную человечность. Анна же в союзе с Вронским так и не находит соответствия своим до конца не проявленным, но подразумеваемым высоким “романтическим” целям.

Бахтин отмечал, что Толстой опровергает понимание вины в великосветских романах и в поэзии Лермонтова и Тютчева, где обществу “противопоставляется святость свободы внутреннего чувства”.

Согласно Бахтину, идея эпитафия перекликается с внутренним смыслом образа Анны в том отношении, что героиня несет идею “внутреннего суда над собой” [6, с. 251]. Однако, открывая ложь и фальшь всего наличного, Анна судит не столько себя, сколько мир, перед которым она в

итоге ощущает себя субъективно чистой. Трансформация Толстым романтического через его сохранение в превращенной форме заключается в отказе героини и от внешнего (через общество) извинения, и от оправдания через отношения с любовником, и отчасти от внутренней “реабилитации” ради выхода к некоей сугубо личной идее обличения мировой фальши, к которой Анна не причастна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

1. Мильдон В.И. Воспитание чувств как проблема европейской культуры (“Принцесса Клевская” и “Анна Каренина”) // Вопросы философии, 2009, №11. [Mil'don V.I. *Vospitaniye chuvstv kak problema yevropeyskoy kul'tury* (“Printsessya Klevskaya” i “Anna Karenina”) [Sentimental Education as a problem of European culture (“The Princess of Cleves”, and “Anna Karenina”)] // Problems of Philosophy, 2009, №11.]
2. Трудная А. Г. Флобер. М., 2005 (пер. Л. Серезкиной). [Troyat H. G. *Flober*. М. [G. Flaubert.] Moscow, 2005. (trans. L.Sorokinoy).]
3. Сент-Бев Ш. Литературные портреты. Критические очерки. М., 1970. (пер. А. Андрес, И. Лихачева). [Sainte-Beuve C. *Literaturnye portrety. Kriticheskiye ocherki*. [Literary portraits. Critical Essays.] М., 1970. (trans. A. Andres, I. Likhachev).]
4. Шульц С.А. П.П. Пазолини и Л.Н. Толстой (“Теорема” и “Смерть Ивана Ильича”) // Slavica Tergestina, 2012, N14 [Shul'ts S.A. *P.P. Pazolini i L.N. Tolstoy* (“Teorema” i «Smert' Ivana Il'icha») [Schulz S.A. P.P. Pasolini and L.N. Tolstoy (“Theorem” and “The Death of Ivan Ilyich”)] // Slavica Tergestina, 2012, N14].
5. Holquist M. The Supernatural as Social Force in “Anna Karenina” // The Supernatural in Slavic and Baltic Literature: Essays on Honoure of Victor Terras. Ed. by A. Mandelker and R. Reeder. Columbus: Slavica, 1989.
6. Бахтин М.М. Лев Толстой // Бахтин М.М. Собрание сочинений. М., 2000. Т. 2. [Bakhtin M.M. *Lev Tolstoy* [Leo Tolstoy] // Bakhtin M.M. Collected Works. М., 2000. Vol. 2.]
7. Бахтин М.М. О Флобере // Бахтин М.М. Собрание сочинений. М., 1996. Т.5. С.133. [Bakhtin M.M. *O Flobere* [About Flaubert] // Bakhtin M.M. Collected Works. М., 1996. Vol.5.]
8. Жирар Р. Насилие и священное. 2-е изд. М., 2010. (Пер. Г. Дашевского). [Girard R. *Nasiliye i svyashchennoye*. [Violence and the Sacred.] 2nd ed. М., 2010. (trans. G. Dashevsky).]
9. Михайлов А.В. Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры // Михайлов А.В. Историческая поэтика и герменевтика. СПб., 2006. [Mikhaylov A.V. *Problemy istoricheskoy poetiki v istorii nemetskoy kul'tury* [The problems of historical
- poetics in the history of German culture] // Mikhailov A.V. *Historical Poetics and Hermeneutics*. SPb., 2006.]
10. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 т. М.; Л., 1934. Т.18. [Tolstoy L.N. *Polnoye sobraniye sochineniy v 90 t.* [Complete Works in 90 vol.] М.; Л., 1934. Vol.18.]
11. Леннквист Б. Путешествие в глубь романа. Л. Толстой: Анна Каренина. М., 2010. [Lennkwist B. *Puteshestviye vglub' romana. L. Tolstoy: Anna Karenina*. [Journey deep into the novel. Leo Tolstoy: Anna Karenina.] Moscow, 2010.]
12. Шульц С.А. Историческая поэтика драматургии Л.Н. Толстого (герменевтический аспект). Ростов-на-Дону, 2002. [Shul'ts S.A. *Istoricheskaya poetika dramaturgii L.N. Tolstogo* (germenevticheskiy aspekt). [Historical Poetics of L.N. Tolstoy's Drama (Hermeneutic dimension)] Rostov-on-Don, 2002.]
13. Реизов Б.Г. Творчество Флобера. М., 1955. [Reizov B.G. *Tvorchestvo Flobera*. [Flaubert's Art.] М., 1955.]
14. Иващенко А.Ф. Г. Флобер. Из истории реализма во Франции. М., 1955. [Ivashchenko A.F. *G. Flober. Iz istorii realizma vo Frantsii*. [From the history of realism in France.] М., 1955.]
15. Бибиков В. Три портрета. Стендаль – Флобер – Бодлер. СПб., 1890. [Bibikov V. *Tri portretya. Stendhal – Flaubert – Baudelaire*. [Three portraits. Stendhal – Flaubert – Baudelaire.] SPb., 1890.]
16. Флобер Г. Госпожа Бовари // Флобер Г. Собрание сочинений в 4 т. М., 1971. Т.1. (пер. Н. Любимова). [Flober G. *Gospozha Bovari* [Madame Bovary] Flaubert G. Collected Works 4 vols. М., 1971. Vol.1. (trans. N. Lyubimov).]
17. Баратынский Е.А. Полн. собр. стихотворений. 2-е изд. Л., 1957. [Baratynskiy Ye.A. *Poln. sobr. stikhotvoreniy*. 2-ye izd. [Full collection of poems. 2nd ed.] L., 1957.]
18. Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М., 1996. [Nabokov V.V. *Lektsii po russkoy literature*. [Lectures on Russian literature.] М., 1996.]
19. Гродецкая А.Г. Ответы предания: жития святых в духовном поиске Льва Толстого. СПб., 2000. [Grodetskaya A.G. *Otvety predaniya: zhitiya svyatykh v dukhovnom poiske Lva Tolstogo*. [Answers tradition: the spiritual lives of the saints in search of Leo Tolstoy.] SPb., 2000.]
20. Сливцкая О.В. “Истина в движении”. О человеке в мире Л. Толстого. СПб., 2009. [Slivitskaya O.V. *Istina v dvizhen'i*”. *O cheloveke v mire L. Tolstogo*. [“Truth in Motion”. On man in the world of Tolstoy.] SPB.2009.]
21. Густафсон Р. Обитатель и чужак. Теология и художественное творчество Л. Толстого / пер. Т. Бузиной. СПб., 2003. [Gustafson R. *Obitatel' i chuzhak. Teologiya i khudozhestvennoye tvorchestvo L. Tolstogo* [Dweller and stranger. Theology and art of Tolstoy] / trans. T. Buzinoy. SPb., 2003.]